

них приятная простота и легкость штиля, но зато лишены они огромных метафор» (VI, 176). За внешними претензиями к стилю «Былей и небылиц» скрывается фактически ироническое высмеивание программы Любослова. Главный «недостаток» неизвестный критик видит в том, что «Все тонкие, острые, иногда и глубокие мысли, рассыпанные в Былях и небылицах, нимало не украшены слогом громким, важным и высоким, каковым следуя правилам Риторическим изъяснить их должноствовало» (VI, 177). Ответ Екатерины II, помещенный в следующей, 7-й части журнала, выдержан в тоне фамильярного балагурства, в каком написаны все «Были и небылицы». «Каноник» высмеивает своего критика именно за излишнюю ученость и педантизм: «Ах! сударь, я не надивляюся часто, как суходлинные и сучковатые мысли ныне сглаживаются хорошо утюгом грамматикального слога... До метафор, по совести сказать, я не чрезмерный охотник с того времени, как я слышал от соседа моего, как шуты, шпыни и балагуры оными, аки шаром, играют. Сверх того и худо знаю, что есть Метафора. Попрошу на сих днях, чтоб перевели мне по-русски, что значит: ибо иностранных слов не разумею» (VII, 117—118). Если учесть, что в пассаже относительно метафор обыгрывается один из вопросов Фонвизина, прямо метивший в личность Л. А. Нарышкина, исполнявшего в узком кругу императрицы роль шута, которого Екатерина в своих ответах поспешила взять под свою защиту, то идеологическая подоплека выходок против любителей «грамматикального слога» становится очевидной. Но тем самым проясняется и истинная цена завуалированной «критики», которую анонимный автор письма обращает на стиль «Былей и небылиц».

Из подобного рода мистифицированной перепалки, а также откликов на статьи Любослова, Невезды и «Ни одной звезды во лбу не имеющего» формировалось другое критическое направление, в равной мере проявлявшее заботу о нормах литературного языка, но уже с позиций отстаивания интересов редакции издания. Помимо Екатерины II и Е. Р. Дашковой в полемику в той или иной степени оказались втянутыми писатели и поэты: Г. Р. Державин, Д. И. Фонвизин, И. Ф. Богданович. Солидарность с позицией издателей «Собеседника» проявили и неизвестные, реальные или мнимые, поклонники журнала, вроде звенигородского корреспондента, приславшего в редакцию два письма, или корреспондента из Карасбазара, укрывшегося под псевдонимом «Старой служивой». В каждом письме вслед за дежурными комплиментами в адрес редакции журнала авторы переходили к вопросам нравственного *воспитания*, и решение этих вопросов оказывалось нередко сопряженным с проблемами этимологии слов и определением понятий, которые эти слова обозначают. Тем самым обсуждение языковых и стилистических проблем неразрывно сливалось с проведением определенных